

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 3 (62)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (62)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-13>

УДК: 304.2

Федоров Р.Ю.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: r_fedorov@mail.ru

АДАПТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ УКРАИНСКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XXI в.)

На основе анализа полевых материалов, собранных на территории Одесского района Омской области, рассмотрены пути адаптации культуры жизнеобеспечения украинских крестьян-переселенцев и их потомков с конца XIX до начала XXI в. Установлено, что в качестве детерминирующего фактора адаптационных процессов выступало наличие или отсутствие определенных локальных природных ресурсов, необходимых для воспроизводства привнесенных из мест выхода переселенцев прототипов материальной культуры.

Ключевые слова: украинские переселенцы, Одесский район Омской области, природные ресурсы, адаптационные процессы, жилище, пища, одежда.

Введение

Благодаря разнообразию природно-климатических условий и этнокультурного состава населения Сибири крестьянские переселения, осуществлявшиеся на ее территорию во второй половине XIX — начале XX в., породили уникальную вариативность адаптационных процессов. В рамках исследований закономерностей этой вариативности большое значение имеет изучение локальных примеров адаптации культуры жизнеобеспечения отдельных групп переселенцев.

В авторских концепциях систем жизнеобеспечения, сложившихся в отечественной этнологии, существуют некоторые различия в критериях их базовых компонентов. В.И. Козлов, подражая в широком смысле под понятием «жизнеобеспечение» удовлетворение социальных и биологических потребностей человека, отмечал, что «в более или менее нормальных условиях обитания жизнеобеспечение людей в физическом смысле состоит в обеспечении их полноценной по своему составу пищей, а также в защите от неблагоприятных условий природной среды (одежда, жилище); то и другое достигается в процессе их трудовой деятельности и обычно относится к области “материальной культуры”» [1983, с. 8]. В работах С.А. Арутюнова понятие «культура жизнеобеспечения» включает в себя поселения, жилище, одежду и пищу [Культура жизнеобеспечения..., 1983, с. 200–229]. В концепции, сформулированной позднее А.Н. Ямсковым, в качестве базовых компонентов системы жизнеобеспечения рассматриваются только жилище, одежда и пища, так как, по мнению автора, поселение напрямую не относится к сфере «экологических функций обеспечения и регулирования энергетических связей организма с окружающей средой» [2009, с. 77]. В данной работе в качестве основных компонентов культуры жизнеобеспечения крестьян-переселенцев рассматриваются их жилище, пища и одежда. При этом в задачи исследования входило изучение адаптации лишь тех компонентов жизнеобеспечения, которые можно отнести к традиционным. Под ними мы понимаем стихийно сложившиеся технологии жизнеобеспечения, воспроизводство которых опирается на народные знания и связано с использованием локальных природных ресурсов. При этом к сфере элементов традиционной культуры жизнеобеспечения мы не относим те материалы, продукты, изделия и технологии, которые возникли в результате массового промышленного производства.

Последние десятилетия проблемы адаптации культуры жизнеобеспечения различных групп крестьян-переселенцев, проживавших на территории Сибири, неоднократно привлекали внимание этнологов, получив концептуальное осмысление в работах таких исследователей, как М.А. Жигунова, Д.Г. Коровушкин, В.А. Липинская, Г.В. Любимова, А.Ю. Майничева, Е.Ф. Фурсова, О.Н. Ше-

легина, Т.К. Щеглова и др. Однако, несмотря на наличие этих работ, далеко не все локальные особенности адаптации переселенцев получили равноценную разработку.

К числу недостаточно изученных районов с точки зрения специфики адаптационных процессов, имевших место у поздних переселенцев, можно отнести Одесский район Омской области, расположенный в степной зоне южной части региона, граничащей с Казахстаном. Для него характерен резкий континентальный климат со скудным увлажнением, холодной зимой с незначительным количеством осадков и умеренно теплым летом. На территории района отсутствуют реки и крупные озера. На момент начавшихся в конце 90-х гг. XIX в. крестьянских переселений эта местность была крайне слабо заселена и преимущественно использовалась для кочевого скотоводства проживавших поблизости казахов. В отличие от более северных районов Омской области, здесь так и не сложилось мест устойчивого проживания русского старожильческого населения. В конце XIX — начале XX в. на территорию современного Одесского района стали прибывать группы крестьян-переселенцев, в основной массе — уроженцев Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Полтавской, Киевской и Одесской губерний. При этом большинство переселенцев имели опыт жизнеобеспечения и сельского хозяйства в условиях степной или лесостепной местности, тогда как для переселенцев из Белоруссии и других лесистых регионов Российской империи более комфортными оказались северные районы современной Омской области, расположенные в зоне южной тайги и мелколиственных лесов.

Особенности материальной культуры и адаптационных процессов у украинских крестьян-переселенцев, проживавших на юге Омской области, ранее были рассмотрены в работах Т.М. Назарцевой [2004], Д.Г. Коровушкина [2006, 2007], М.А. Жигуновой [2009, 2015], Ю.Н. Ефремовой [2012], Ю.С. Новиковой и И.В. Черновой [2013], в коллективной монографии «Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — XX веке» [2017], а также в работах некоторых других сибирских этнологов. Однако на сегодняшний день остаются пробелы в изучении адаптационных процессов среди украинских переселенцев, проживавших в Одесском районе.

Основная задача настоящего исследования состояла в выявлении факторов, оказавших влияние на характер адаптации культуры жизнеобеспечения украинских крестьян-переселенцев и их потомков, проживающих на территории современного Одесского района Омской области. Источниковую базу исследования составили материалы этнографической экспедиции, проведенной автором в 2022 г. В ходе нее были взяты интервью у представителей разных поколений потомков украинских переселенцев, проживающих в деревнях Желанное, Ганновка, Благодаровка и Брезичк, произведен визуальный осмотр сохранившихся в этих деревнях жилых и хозяйственных построек. Также изучены предметы и рукописные источники, хранящиеся в Желанновском филиале Музея истории, культуры и быта Одесского муниципального района Омской области. Исследование основано на использовании сравнительно-исторического метода, а именно опиралось на сопоставление особенностей и путей адаптации культуры жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности переселенцев с их прототипами в местах выхода и у нового этнического окружения.

Особенности адаптации культуры жизнеобеспечения переселенцев

Жилище. Исследователь народной архитектуры украинцев П.Г. Юрченко выделял три основные природно-климатические зоны, особенности которых оказали влияние на доминирующие материалы, используемые для строительства жилища. В покрытых лесами северных регионах Украины преобладали деревянные срубные или каркасные конструкции. Средней лесостепной полосе было свойственно разнообразие строительных материалов, которые включали дерево, глину, камыш и солому. В безлесных южных районах Украины широко применялось строительство домов из глиносоломенной смеси [Юрченко, 1941, с. 7]. Для степной зоны, в которой находится территория Одесского района, было типичным отсутствие или дефицит строительного леса. Дошедшие до нас сведения о местах выхода переселенцев указывают на то, что на своей родине они проживали в разнообразных природно-климатических условиях, однако обосновавшиеся на новом месте крестьяне имели возможность реализовать лишь те строительные приемы и технологии, которые ранее сложились в южных регионах Украины, где наиболее распространенным в XIX в. было строительство глинобитных домов из больших вальков весом до 8–10 кг, слепленных из смеси глины с мякиной, рубленой соломой и навозом [Этнография восточных славян..., 1987, с. 226]. Жители Одесского района называют этот имевший у них наибольшее распространение тип жилища *саманными домами* (рис. 1а). На территории

Адаптация традиционной культуры жизнеобеспечения украинских крестьян-переселенцев...

Одесского района саманные дома продолжали активно сооружать вплоть до 1990-х гг., когда в условиях рыночной экономики стали появляться возможности для строительства из кирпича или привозной обработанной древесины. Исключение составляли лишь привозимые в отдельные деревни в 1960–1970-е гг. камышитовые и цементно-стружечные сборные щитовые дома, которые, по мнению местных жителей, были не такими комфортабельными, как дома из самана.

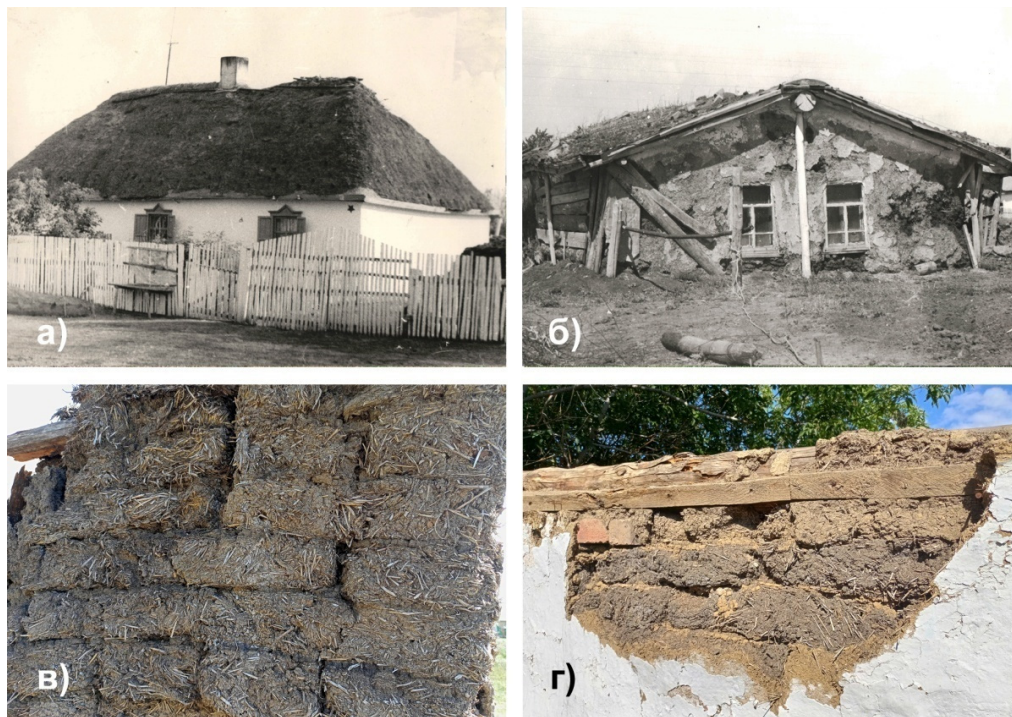

Рис. 1. Саманные дома в с. Желанное и их конструктивные особенности:

а) дом Филиппа Гавриловича Кандыбко (фото из архива Желанновского филиала Музея истории, культуры и быта Одесского муниципального района, 1970-е гг.); б) землянка Александра Александровича Миллера (фото из архива Желанновского филиала Музея истории, культуры и быта Одесского муниципального района, 1970-е гг.); в, г) фрагменты кладки самана (фото Р.Ю. Федорова, 2022 г.).

Fig. 1. Adobe houses and their design features in Zhelannoe village:

a) the house of Filip Gavrilovich Kandybko (photo from the archive of Zhelannoe branch of Museum of history, culture and life of the Odesskoe municipal district, 1970s); б) dugout of Alexander Alexandrovich Miller (photo from the archive of Zhelannoe branch of Museum of history, culture and life of the Odesskoe municipal district, 1970s); в, г) fragments of adobe masonry (photo by R. Fedorov, 2022).

У первых поколений переселенцев распространенной разновидностью жилища были землянки — дома без фундамента с земляным мазаным полом (рис. 1б). Стены такого дома могли быть сделаны как из самана, так и в виде каркасной конструкции из дерна или стволов и ветвей лиственных пород деревьев, которые обмазывались глиной: «Я родилась, у мамы была землянка, поставленная из вот таких берез. Стволики вот такие. Когда мы переехали в другой дом, у нас председатель колхоза говорил: “Что это за достопримечательность, когда едут с района, видят землянку вашу. Завалите ее немедленно!” Взяли трактор. Он разогнался, как дал в эту стенку, и сломался трактор. А дом как стоял, так и стоял. Это было в 1970-е годы» (ПМА-2022, д. Благодаровка). Вдоль землянок устанавливали глинобитные завалинки, предназначенные для утепления и для того, чтобы в случае наводнений в землянки не заходила вода.

Как правило, для строительства дома устраивались помочи. Можно предположить, что, помимо взаимопомощи, помочи также выполняли функцию коллективного обмена теми элементами строительного опыта, реализация которых была оптимальной в местных природно-климатических условиях. Таким образом, в ходе помочей переселенцы из разных регионов, строительные традиции которых имели различия, овладевали теми навыками, которые были больше всего востребованы на новом месте.

Для местных жителей особой важностью имели навыки изготовления саманных кирпичей (рис. 1в, г). Глубина ям для изготовления самана, как правило, составляла около двух метров. В

них вначале снимался верхний слой почвы. Когда слой глины оголялся, его размачивали водой, добавляли в него навоз и солому и месили — для этого использовали лошадей. Получившуюся смесь набивали в формы для изготовления кирпичей, которые называли «саманницами». Размеры саманных кирпичей не имели единого стандарта и могли варьировать. Примечательно, что в д. Гришковка ямы, в которых изготавливался саман, имели локальное название — *каламари*, которое не встречалось в других деревнях. Его этимология остается неясной.

Как правило, дома состояли из двух комнат и сеней. При этом, в отличие от северных районов Омской области, по отношению к домам с подобной планировкой не использовалось название *пятистенок*. Для строительства крыши дома использовались деревянные поперечные балки. Первое поколение переселенцев покрывало крыши дерном, в отдельных деревнях — соломой. Позднее крыши стали крыть дранкой. До середины XX в. лишь некоторые, наиболее зажиточные переселенцы крыли крыши листовым железом. Начиная с 1960-х гг. крыши покрывали рубероидом или шифером. Первоначально переселенцы заливали земляные полы жидкой глиной. Позднее начали делать деревянные полы. Дома было принято белить снаружи и внутри перед Пасхой и Троицей. На окнах домов редко устанавливали ставни, но в большинстве случаев делали деревянные наличники.

Большинство потомков переселенцев считают саманные дома удобным и практичным видом жилища. К их достоинствам чаще всего относят тепло зимой и прохладу летом, свежесть воздуха, защищенность от пожаров и др. Недостатком считают то, что в их стенах часто заводятся мелкие грызуны. В настоящее время сохранившиеся саманные дома нередко подвергаются модернизации — в них выпиливаются большие по размерам окна, которые могут иметь пластиковые рамы, снаружи дома обшиваются шифером или сайдингом.

В семьях, сохранивших православную веру, неотъемлемой частью интерьера жилища был красный угол, в котором на полке стояла икона, украшенная рушником. В некоторых семьях представители старшего поколения завешивали икону рушником во время праздничных застолий, когда на столе стояли алкогольные напитки. Для освещения жилища первоначально использовали лучины, позднее — керосиновые лампы. В холодное время года в доме часто держали телят и поросят, а также кур, уток и гусей для вывода. Местные жители отмечали, что, ввиду дефицита кирпича, русскую печь могли себе позволить только зажиточные семьи. Вместо одной русской печи в домах нередко устанавливали две небольшие печи с чугунными плитами. Одной из сложностей изготовления кирпича в местных условиях являлось то, что для его обжига были необходимы уголь или качественные дрова, которых не хватало. Поэтому печи чаще выкладывали из необожженного кирпича-сырца. За печью устраивали *закрома* для хранения зерна и полаты. Первые поколения переселенцев часто ставили во дворах летние печи.

Усадьбы большинства переселенцев не отличались разнообразием хозяйственных построек. Среди них чаще всего упоминались сараи, которые могли быть пристроены к дому и иметь вход из его сеней. Помимо них в усадьбах могли устраивать овчарни, конюшни и свинарни. До середины XX в. бани преимущественно строили из самана. Они были далеко не во всех усадьбах переселенцев и часто использовались сразу несколькими семьями. Во дворах большинства домов были колодцы — журавли или коловороты. Во дворах устанавливали изгороди — *загаты*, за которыми хранили навоз для изготовления самана и кизяков, которыми топили печи.

Пища. Украинские крестьяне-переселенцы привнесли на территорию Одесского района Омской области принципы полеводческо-животноводческого хозяйства, сложившиеся в местах их выхода. Переселенцы преимущественно употребляли в пищу пшеничный хлеб, в отличие от проживавших в таежной зоне Омской области выходцев из Белоруссии, в рационе которых преобладал ржаной хлеб. По рассказам потомков переселенцев, это было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, природно-климатические условия Одесского района благоприятны для выращивания пшеницы, тогда как возделывать рожь было значительно сложнее. Во-вторых, белый хлеб больше ценился переселенцами, потому что «на родине он был только у богатых» (ПМА-2022, д. Желанное). При этом, как отмечал Д.К. Зеленин, предпочтения, которые одни восточные славяне отдают черному (ржаному), а другие белому (пшеничному хлебу), не связаны с этнографическими границами, а в большей степени объясняются природно-климатическими условиями определенной местности. К примеру, в южных, степных районах Украины, наряду с Нижним Поволжьем и Южной Сибирью, преобладал пшеничный хлеб, тогда как на севере Украины, в Белоруссии, а также многих регионах России, расположенных в зоне смешанных лесов или тайги, в пищу чаще употреблялся ржаной хлеб [Зеленин, 1991, с. 142]. Бли-

ны имели у переселенцев повсеместное распространение, являясь как повседневным, так и обрядово-праздничным блюдом. В отличие от русских старожилов, которые часто пекли большие пироги, переселенцы предпочитали выпекать небольшие пирожки. Для начинки чаще всего использовали картофель, капусту, морковь, горох, фасоль, яблоки, паслены, щавель, грибы и шкварки. Из остатков теста для пирожков часто пекли пампушки без начинки к борщу. Из сладкой выпечки были широко распространены хворост, коржи с маком и сахаром. Неотъемлемая часть кухни переселенцев — вареники, *галушки* и *товченики*, начинявшиеся творогом. Домашняя лапша считалась одним из обрядовых блюд, которое могли подавать как на поминках, так и на свадьбах. Первоначально в рационе переселенцев преобладали каши из пшена и тыквы. Начиная со второй половины XX в., благодаря возможности приобретать покупные крупы, широкое распространение получили каши из гречневой, рисовой и перловой круп.

Среди овощных преобладали блюда из картофеля и капусты. Картофель готовили в жареном, запеченном и отварном виде, тогда как капусту чаще тушили. Тыкву разрезали пополам и запекали в печи. Огурцы, капусту и помидоры засаливали в бочках.

Из мясной пищи преобладали блюда из свинины. Широкое распространение имели кровяные колбасы с добавлением пшена и других круп. По наблюдениям Д.К. Зеленина, они не встречались у русских, которые «избегают какого бы то ни было употребления крови и считают ее добавление в пищу грехом» [1991, с. 147]. Другим распространенным мясным блюдом являлся *колбик* — фаршированный свиной желудок. Нередко его хранили в вяленом виде, подвешенным в амбаре или на веранде. Холодец считался праздничным блюдом. Важной частью рациона питания переселенцев являлось свиное сало, которое употребляли в засоленном и копченом виде, а также использовали для жарки при приготовлении различных овощных или мучных блюд. Для длительного хранения мяса в летнее время делали солонину. Повсеместным блюдом была яичница, жаренная на сале. Среди молочных блюд наибольшее распространение имели творог, сметана, сливочное масло и кислое молоко — *кисляк*.

Среди переселенцев на протяжении длительного времени сохранялись традиционные для восточных славян принципы распределенного потребления некоторых важных пищевых ресурсов. В частности, широкое распространение имела *свежина*, когда жители деревни по очереди забивали свинью или крупный рогатый скот, угощая друг друга мясом.

Самым распространенным видом супов являлся борщ. В некоторых семьях переселенцев разницу между борщом и щами объясняли тем, что для приготовления борща использовалась свежая капуста, тогда как для щей — квашеная. Помимо борща часто готовились *затирки*, основными ингредиентами для приготовления которых были мука или картофель с яйцом. Еще одной разновидностью супов был *капустяк* — мелко нарезанная капуста с добавлением круп. Особенно часто его варили во время постов. В некоторых семьях переселенцев готовили *тюрю* — сладкий суп с добавлением хлеба.

На протяжении первой половины XX в. употребление переселенцами в пищу рыбы, скорее всего, носило эпизодический характер и было приурочено к тем периодам, когда находившиеся вблизи деревень низины затоплялись водой и превращались в озера, в которых начинали водиться караси, икра которых переносилась из других водоемов утками и другими водоплавающими птицами. Потомки переселенцев хранили рыбу в соленом и сушеном виде.

Из напитков большое распространение имели плодово-ягодные и молочные кисели с использованием картофельного крахмала, а также хлебный квас. В отличие от русских старожилов, для которых еще во второй половине XIX — начале XX в. была типична развитая культура чаепития, украинские переселенцы до середины XX в. пили покупной плиточный или листовой чай преимущественно по праздникам. В повседневной жизни чаще употребляли чай из чабреца, шиповника, листьев земляники и смородины. Среди домашних алкогольных напитков были распространены брага, вино и самогон.

Упоминания о большинстве из перечисленных выше типичных блюд традиционной кухни украинских переселенцев (включая их оригинальные названия и особенности приготовления) встречаются в этнографических описаниях середины — второй половины XIX в., которые были сделаны в местах выхода переселенцев [Маркевич, 1860; Щелоковская, 1899; и др.]. Таким образом, можно говорить о высокой степени сохранности исходной основы культуры питания, рассмотренной в исследовании группы. Говоря о заимствованиях, следует отметить, что потомки переселенцев в некоторых случаях упоминали в своих рассказах названия ставших традиционными для их семей блюд, которые были характерны для других народов, проживавших по со-

седству с родиной их предков. В д. Благодаровка готовили вареники с *шупеней* — начинкой из жареного сала с луком. По другому рецепту, зафиксированному нами в этой же деревне, для приготовления шупени на сковороде поджаривали сало и лук, а затем в них подмешивалась мука. Полученную смесь жарили до коричневого цвета. У литовцев, белорусов и проживавших в Закарпатье гуцулов словом «шупеня» называли суп из ячневой крупы, бобов и свинины. Можно предположить, что позаимствованное название стало употребляться переселенцами по отношению к другому блюду. Другим похожим примером является *вертута* — многослойные рулеты из дрожжевого теста, начиненные кусочками сала и лука. По рассказам жителей Благодаровки, рецепт этого блюда привезла жительница деревни, которая в советское время проживала на Украине. В данном случае с «вертутой», как правило, идентифицируется схожее по рецепту традиционное блюдо молдавской кухни, в котором рулеты начиняются овечьим сыром или картофелем с мясом [Молдаване, 2010, с. 251]. Таким образом, на протяжении XX — начала XXI в. потомки переселенцев, побывав на родине своих предков, могли не только привнести в Сибирь новые варианты своих национальных блюд, но и элементы кухни проживавших поблизости народов. Из вошедших в обиход переселенцев блюд казахской кухни чаще всего назывались вяленые колбасы из конины, бурсаки, лагман, бешбармак и плов. К блюдам русских старожилов Сибири, получивших широкое распространение у переселенцев, были отнесены пельмени.

К факторам высокой степени сохранности исходных особенностей традиционной культуры питания потомков украинских переселенцев следует отнести то, что на протяжении длительного времени личные приусадебные хозяйства продолжали играть важную роль в их жизнеобеспечении, а также тот факт, что пищевые предпочтения, как правило, являются одним из наиболее стойких элементов семейных традиций.

Одежда. По сравнению с жилищем и пищей, воспоминания о традиционных особенностях одежды сохранились в меньшей степени. Причина этого отчасти кроется в ограниченных возможностях для изготовления домотканой одежды ввиду того, что на территории Одесского района лен не приживался. Учитывая, что культура льноводства была преимущественно развита в северных и западных регионах Украины [Украинцы, 2000, с. 124], из которых на территорию Одесского района переселилась лишь незначительная часть крестьян, лен, по всей видимости, изначально не играл существенной роли в жизнеобеспечении переселенцев. Конопля, которую удавалось выращивать в местных условиях, была в основном пригодна для изготовления грубых тканей, из которых делали мешки и веревки. По наблюдениям Е.Ф. Фурсовой, на территории Западной Сибири переселенцы из Полтавской губернии продолжали часто изготавливать рубахи из конопляного полотна [2015, с. 242], однако на территории Одесского района воспоминания об этом в настоящее время не сохранились. Наиболее вероятно, что уже многие представители первого поколения переселенцев начали шить одежду из покупных тканей. Этому могла способствовать сравнительная близость района к Омску. Немаловажно отметить, что на момент переселений на территории большинства регионов Украины наметилась тенденция к проникновению в сельский быт образцов одежды, присущих горожанам [Познанский, 1902; Украинцы, 2000, с. 223]. Несмотря на это, на юге Омской области этнографами неоднократно фиксировались образцы одежды, по которым в общих чертах можно реконструировать особенности традиционного костюма, головных уборов и обуви представителей первого поколения украинских переселенцев, проживавших на территории Одесского района. Наиболее типичный женский комплекс одежды состоял из вышитой рубахи (*сорочки*), поясной одежды (*дерги, запаски, плахты, поневы*), юбки — *спидницы*), передника — *хвартука*. Мужской костюм включал в себя вышитую рубаху (*сорочку*) и штаны (*порты* или *шаровары*). Дополнением служили различные безрукавки, у женщин — приталенные *корсетки*. В головных уборах мужчин традиционные смушковые шапки и папахи были дополнены меховыми или набитыми шерстью суконными треухами. Традиционные женские головные уборы — *венцы, обручи, намитки* и *очипки* к середине XX в. оказались вытеснены платками и шальями фабричного производства [Коровушкин, 2007, с. 99]. Первоначально на территории Западной Сибири украинские переселенцы носили кожаную обувь, среди которой преобладали сапоги-*чоботы, постолы* и *черевуки* [Фурсова, 2015, с. 264]. Однако начиная с 1920-х гг., благодаря созданию в крупных населенных пунктах обувных фабрик и артелей, для местных крестьян стали все более доступны сапоги и ботинки фабричного производства [Семья и семейный быт..., 2017, с. 199]. Получившие широкое распространение валенки являлись заимствованиями у местного русского населения [Жигунова, 2015]. Следует отметить, что во всех переселенческих деревнях было широко развито прядение и вязание из овечьей шерсти. Среди зим-

Адаптация традиционной культуры жизнеобеспечения украинских крестьян-переселенцев...

ней верхней одежды наибольшее распространение имели полушубки или тулупы из овчины. По воспоминаниям местных жителей, в большинстве случаев украинские переселенцы заимствовали прототипы одежды у русского населения Омского Прииртышья. В связи с более суровым климатом в первую очередь заимствованиям подвергались верхняя одежда и обувь. С 1960-х гг. ввиду повышения доступности для сельского населения товаров массового потребления началось вытеснение изготовленной вручную одежды фабричными образцами (рис. 2).

Рис. 2. Жительницы д. Кравцевка (фото из архива Желанновского филиала Музея истории, культуры и быта Одесского муниципального района, 1959 г.).

Fig. 2. Inhabitants of Kravtsevka village (photo from the archive of Zhelannoe branch of Museum of history, culture and life of the Odesskoe municipal district, 1959).

Выводы

В традиционной культуре жизнеобеспечения проживавших на территории Одесского района украинских переселенцев наиболее длительную устойчивость сохраняли жилище и пища. Строительство традиционных саманных домов на территории района продолжалось вплоть до 1990-х гг. Эта ситуация была обусловлена отсутствием поблизости строительного леса. При этом строительный опыт выходцев из степных районов Украины был успешно перенят переселенцами из регионов с иными природно-климатическими условиями и строительными традициями. Этот вывод подтверждается тем фактом, что помимо украинцев саманные дома активно строили проживавшие в районе немцы, русские и белорусы.

Культура питания украинских переселенцев длительное время сохраняла черты, привнесенные из мест их выхода. Ее трансформации начали нарастать с 1960-х гг. и были обусловлены несколькими факторами. Первый из них — увеличение доступности продуктов, продаваемых в магазинах. Другими немаловажными факторами стали рост межэтнических браков и увеличение пространственной мобильности потомков переселенцев, что способствовало проникновению в их среду новых блюд, характерных для других народов. При этом основные черты украинской народной кухни продолжают по сей день сохраняться в семьях потомков переселенцев.

Наименее устойчивым компонентом традиционной культуры жизнеобеспечения украинских переселенцев, проживавших на территории Одесского района, оказалась одежда. Данное обстоятельство во многом было связано с отсутствием локальных ресурсов для изготовления дмотканой одежды и относительной доступностью покупных тканей. При этом, как показали исследования адаптации других групп переселенцев на территории Сибири, их зимняя одежда и обувь, ввиду более сурового местного климата, быстро претерпевала трансформации, чаще всего обусловленные практичными заимствованиями у представителей нового этнического окружения.

Опираясь на пример Одесского района, можно сделать вывод, что особенности локальных природных ресурсов в большинстве случаев выступали в качестве детерминирующего фактора

сохранения или трансформаций определенных элементов традиционной культуры жизнеобеспечения переселенцев. При этом данная модель продолжала действовать до того момента, когда помимо этих ресурсов местному сообществу становятся доступными заменяющие их материалы и продукты промышленного производства.

Благодарности. Автор статьи выражает глубокую благодарность заведующему Желанновского филиала Музея истории, культуры и быта Одесского муниципального района Омской области А.И. Лонскому за активную помощь в организации экспедиции.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания ТюмНЦ СО РАН № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ефремова Ю.Н.* Повседневные блюда в системе питания украинцев Западной Сибири (на примере Омской области) // Казанская наука. 2012. № 1. С. 21–26.
- Жижунова М.А.* Восточнославянское население в Сибири: Этнокультурная история и идентичность // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 136–146.
- Жижунова М.А., Захарова И.В.* Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Омск: Наука, 2009. 266 с.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
- Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3–16.
- Коровушкин Д.Г.* Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 200 с.
- Коровушкин Д.Г.* Украинцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX — начале XXI в. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. 248 с.
- Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян.* Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.
- Маркевич Н.А.* Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1860. 189 с.
- Молдавчане / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачев.* М.: Наука, 2010. 542 с.
- Назарцева Т.М.* Материальная культура украинцев в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск: Изд-во Омск. ист.-краевед. музея, 2004. 141 с.
- Новикова Ю.С., Чернова И.В.* Материальная культура украинского населения Омского Прииртышья (по материалам этнографических экспедиций 2012–2013 года) // Культурологические исследования в Сибири. 2013. № 2. С. 92–97.
- Познанский Б.С.* Одежда малороссов // Труды 12 Археол. съезда в Харькове, 1902. Т. 3. М.: Тип. О-ва распротр. пол. книг, 1905. С. 178–164.
- Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — XX веке / Н.С. Грибанова, И.В. Чернова, Н.В. Люля, А.С. Свидовская.* Барнаул: АлтГПУ, 2017. 306 с.
- Украинцы / Отв. ред. Полищук Н.С., Пономарев А.П.* М.: ИЭА РАН, 2000. 535 с.
- Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX — первая треть XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 296 с.
- Щелоковская В.* Пища и питье крестьян-малороссов, с некоторыми относящимися сюда обычаями, поверьями и приметами // ЭО. 1899. № 1–2. С. 266–322.
- Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / Отв. ред. К.В. Чистов.* М.: Наука, 1987. 558 с.
- Юрченко П.Г.* Народное жилище Украины. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1941. 88 с.
- Ямсков А.Н.* Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. Т. 1: Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова / Ред. Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2009. С. 73–94.

Fedorov R.Yu.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: r_fedorov@mail.ru

Adaptation of the traditional culture of subsistence of the Ukrainian peasant-migrants in the south of Western Siberia (late 19th — early 21st century)

Presented In the paper, are the results of a field study of the adaptation of the traditional culture of subsistence of the Ukrainian peasant-migrants of the late 19th century, who lived in Odessa District of Omsk Oblast. It has been established that due to the lack of constructional timber descendants of the migrants continued building adobe houses up until the 1990s. Despite a number of innovations and borrowings, many of the original elements of the traditional dietary culture of the migrants retained. This phenomenon was caused by that, for a long time, personal allotments continued to play an important role in the subsistence of the migrants, as well as by that the food preferences usually constitute one of the sturdiest elements of family traditions. As compared to dwellings and food, clothing turned out to be the least invariant element of the traditional life-sustaining culture

of the Ukrainian migrants. This was caused by the difficulty of growing flax and relative availability of purchasable fabrics. It has been concluded that the peculiarities of the local natural resources in most cases turned out to be the determining factor of preservation or transformation of certain elements of the traditional culture of subsistence of the migrants. At the same time, this model carried on until the moment when, alongside these resources for the sustenance of the local community, substitute materials and products, obtained in the result of the industrial production, were becoming available.

Key words: Ukrainian migrants, Odessa district of the Omsk region, natural resources, adaptation processes, dwelling, food, clothing.

Funding. This research has been supported by the state task of Tyumen Scientific Centre SB RAS No. 121041600045-8.

REFERENCES

- Arutyunov, S.A., Markaryan, E.S. (Eds.). (1983). *Subsistence culture and ethnos: Experience of ethnocultural research (based on materials of Armenian rural culture)*. Erevan: Izd-vo AN ArmSSR. (Rus.).
- Chistov, K.V. (Ed.) (1987). *Ethnography of the Eastern Slavs: Essays on traditional culture*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Efremova, Yu.N. (2012). Everyday dishes in the food system of Ukrainians in Western Siberia (case of the Omsk region). *Kazanskaja nauka*, (1), 21–26. (Rus.).
- Fursova, E.F. (2015). *Traditional clothes of the Russian and other East Slavic peoples of the south of Western Siberia (late 19th – first third of the 20th century)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Gribanova, N.S., Chernova, I.V., Lyulya, N.V., Svidovskaya, A.S. (2017). *Family and family life of the Ukrainian rural population of Western Siberia at the end of the XIX–XX centuries*. Barnaul: AltGPU. (Rus.).
- Guboglo, M.N. (Ed.). (2010). *Moldavians*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Korovushkin, D.G. (2006). *Essays on ethnocultural adaptation of late migrants in Western Siberia*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Korovushkin, D.G. (2007). *Ukrainians in Western Siberia: resettlement and numbers in the late 19th — early 20th centuries*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Kozlov, V.I. (1983). The main problems of ethnic ecology. *Sovetskaya etnografiya*, (1), 3–16. (Rus.).
- Markevich, N.A. (1860). *Customs, beliefs, cuisine and drinks of Malorossy*. Kiev: Tip. I. i A. Davidenko. (Rus.).
- Novikova, Yu.S., Chernova, I.V. (2013). Material culture of the Ukrainian population of the Omsk region (based on the materials of ethnographic expeditions 2012–2013). *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*, (2), 92–97. (Rus.).
- Nazarceva, T.M. (2004). *Material culture of Ukrainians in the collections of the Omsk State Museum of History and Local Lore*. Omsk: Izd-vo Omsk. ist.-kraeved. muzeya. (Rus.).
- Polishchuk N.S., Ponomarev A.P. (Eds.) (2000). *Ukrainians*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. (Rus.).
- Poznanskij, B.S. (1905). Clothes of Malorossy. In: *Trudy 12 Arheologicheskogo s'ezda v Har'kove, 1902. T. 3*. Moscow: Tipografiya O-va rasprostr. pol. knig. (Rus.).
- Shelokovskaya, V. (1899). Food and drink of Malorossy peasants, with some related customs, beliefs and signs. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1–2), 266–322. (Rus.).
- Yamskov, A.N. (2009). Interpretations of the concept of "life support" in ethnic ecology and a possible approach to the study of cultural adaptation. In: *Etnos i sreda obitaniya. T. 1: Sbornik etnoekologicheskikh issledovanij k 85-letiyu V.I. Kozlova*. Moscow: Staryj sad, 73–94. (Rus.).
- Yurchenko, P.G. (1941). *People's dwelling of Ukraine*. Moscow: Izd-vo Akad. arhitektury SSSR.
- Zelenin, D.K. (1991). *East-Slavic ethnography*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zhigunova, M.A. (2015). East Slavic population in Siberia: ethnocultural history and identity. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*, 9(3), 136–146. (Rus.).
- Zhigunova, M.A., Zaharova, I.V. (2009). *Culture of the Eastern Slavs in the collections of the Museum of Archeology and Ethnography of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky*. Omsk: Nauka. (Rus.).

Федоров Р.Ю., <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

Сведения об авторе:

Федоров Роман Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the author:

Fedorov Roman Yu., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre of SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 08.06.2023

Article published: 15.09.2023